

Мы расходимся с Мельниковыми в основном: для него — сначала интересы России, а для нас — сначала интересы Казачества. Для блага „целого“, Мельников может пожертвовать интересами и даже судьбой „части“. Мы на это не идем. Зла России не желаем, но хотим добра прежде всего Казачеству. Мы не хотим быть частью никакого целого, мы хотим работать во имя воссоздания свободной Казакии. Ни в какой России не может быть свободного и сильного Казачества, — Россия, всякая Россия будет расказачивать и ликвидировать Казачество в своих собственных интересах.

Мы совершенно согласны с Мельниковым в том, что „и после ликвидации большевизма России суждено будет пережить невероятно трудное время...“ И потому страдания и испытания Казачества в составе России не кончатся с падением большевиков. Казачья сила нужна Мельниковым не только для борьбы с большевиками за „новую“ русскую власть, но и для восстановления разоренной русскими России. Мы думаем, что „платежи“ и расплата за „революционные опыты“ (а их будет еще много) будут не легче „стоимости“ самой революции.

Господа Мельниковы, Богаевские, Деникины... водили уже казаков „спасать“ Россию от большевиков. Они хотели бы попробовать это сделать еще раз (а где же русские?). Мало того, г-н Мельников хотел бы и после, потом поставить казаков в первые ряды восстановителей России. Не много-ли это на одни и те же плечи? Хватит ли на это казачьих сил?

И за все это — только самоуправление в пределах и по усмотрению „свыше“, а значит — постольку, поскольку это не противоречило бы интересам „целого“. По опыту прошлого мы знаем, что в России всякое „самоуправление“, а тем более национальное возрождение всегда противоречило „общегосударственным интересам“.

Г-н Мельников говорит о России С в о б о д н о й. В такой де России будет свободно и Ка-

зачество. — Тоже из опыта знаем, что это не так. Но, даже если бы кто поверил Мельникову, то — кто же поручится, что Россия будет действительно свободной? В прошлом свободной не была, не свободна и сейчас. Значит, более вероятно, что и в будущем Россия не будет свободна — по крайней мере среди самих русских больше сторонников России не свободной чем свободной. Мы позволим себе спросить на этом месте г-на Мельникова: а какова же будет судьба Казачества в России не свободной?

Недавно мы ставили уже единосудимцам из казаков вопрос: какую Россию они любят? — Сейчас мы имеем ответ Мельникова: он любит Россию пока не существующую (и неизвестно, будет ли она такая существовать). Можем поставить теперь другой вопрос: какая Россия и как любит Казачество? Какая Россия, наконец, — любит вас — казачьих единосудимцев? — Россия большевицкая, Россия Керенского или Миллюкова? Россия Деникина — Миллера? Россия Маркова II или Кирилла? — Какая же? И где она, любящая? Россию казнящую, Россию разоряющую, Россию изгоняющую Казачество (Екатерина, Петр, большевики) мы видели. Россию, требующую за все это бесконечной „службы“, мы знаем... А где же та новая? и какая она, эта новая?

Итак, еще раз говорим: у Мельникова никакой программы решения казачьего вопроса нет. Мельников не дает своего решения казачьего вопроса, — он повторяет решение Миллер-Гукасовско-Миллюковское. Вот почему ему не удалось и не удастся объединить Казачество в одну семью.

Повторяем: Казачество хочет иметь казачью программу решения казачьего вопроса. Такую программу дают самостийники — В. К. Казачья Семья соберется только около Казачьей Идеи и Казачьей Программы, самая короткая формулировка которой укладывается в одно слово — Казакия!

Шамба Балинов.

Запоздалый „сполох“ Н. М. Мельникова.

„Мал тот, кто имеет маленькую цель. Слаб тот, кто не верит в самого себя“.

С. Чех.

Трудно спорить с людьми, которые вообразили себя светилами, могущими изрекать только истину, неподлежащую никакому сомнению, которые, без всякого к тому основания, присвоили себе право „хранителей“ казачьей морали, выдают самих себя за верных „блюстителей“ казачьих интересов, казачьих прав. Совершенно напрасный труд доказывать этим людям что-либо, что не согласуется с их законсервированными понятиями и мышлениями. Одним из таких людей, судя по его статье в номерах 6 и 7 „Р. К.“, является председатель „Казачьего Союза“ г. Н. М. Мельников. В статьях этих он с бешеной злобой, с пеной у рта, истерически изывает к казакам: неизвестные нам люди осмелились не согласиться с нами, посмели свое мнение иметь, не спросились нас, помимо нас и без нас

думают спасти Казачество, не хотят нам подчиняться, признавать наш „авторитет“, нас не обожествляют, спасите и защитите нас, казаки, ваших пожизненных главарей и вождей, протестуйте против них, вольных казаков, морально их изолируйте, и т. д. и т. д.“

Несмотря на всю бесполезность спора с подобными, „высокой марки“ господами, все же приходится писать и говорить по поводу их выступлений, ибо они обращаются к казакам, у которых, в силу умышленных извращений г. Мельниковым мысли и намерений вольных казаков, может создаться неправильное представление о казачьем Освободительном движении, в частности о его руководителях.

Нужно отметить, что сам Атаман Богаевский в своих повторных „выступлениях“ против В. К. договорился до смешного и теперь, за неимением других, более убедительных доводов, прибег к последнему средству — так сказать, в порядке Атаманского приказа „выкатил“ на позицию „тяжелую артиллерию“ в лице г. Мельникова. Но, вряд ли этот „выстрел“ принесет

тот результат, какой ожидают стрельцы. Действительно — гром грянул, а дождя нет.

По совести говоря, от Н. М. Мельникова можно было ожидать большего, по крайней мере его амплуа „выдающегося“ казачьего деятеля обязывало его держать себя выше улицы, в своих писаниях пользоваться более серьезными материалами и придерживаться более приличного тона. Но, он этого не выдержал. Не пощадив свой журнал (своя рука владыка!), он, заняв почти все страницы двух номеров, все свои усилия употребил: 1) на ругань, 2) на беззастенчивое передергивание чужих слов и бесцеремонное искажение их смысла, 3) на доказательство неважности Донской конституции и присяги, 4) на разведение самого дешевого сорта демагогии и 5) на призыв к казакам об „изоляции самостийников“.

В такой последовательности теперь и „перейдем к отдельным пунктам“, как говорит Мельников.

Пункт первый — о брани Мельникова: „несмотря на всю гадливость“, „человеческую низость“, „нравственные уроды“, „моральные выродки“, „как это гнусно“, „лжецы“, „клеветники“, „наглецы“ и т. д. и т. п. Вот пышный букет эпитетов, которыми так щедро награждает г. Мельников вольных казаков. И этот „букет“ появился после его же заявления в самом начале статьи, что личностей он не будет касаться, что он, Мельников, не опустится до уровня „моральных выродков“...

Говорят — дурные примеры заразительны, — но в данном случае мы не последуем за Мельниковым и не будем придерживаться его тона. Надеюсь, за это читатели В. К. сетовать на меня не станут. Скажем только: „Юпитер, ты сердисься, значит ты не прав“.

Пункт второй — о передергивании чужих слов и искажении их смысла. Разобрать все искажения и передергивания Мельниковым чужих слов почти невозможно, ибо вся его многокилометровая статья состоит преимущественно из подобных искажений. Он, Мельников, самым недобросовестным образом, искусственно подменяет одно понятие другим и „со спокойной совестью“ начинает оперировать плодом своего измышления.

Я, например, в своей статье писал, что за свободу Казачества, за его самостоятельность будем бороться всеми силами, вплоть до физической. А г. Мельников, с ловкостью циркового акробата, на основании этих моих слов „доказывает“, что „воинственный на чужой счет Шамба Балинов“ зовет казаков к войне „против России (не против большевиков, а именно против России, против России вообще — и той, новой, которая будет после свержения большевиков)“. С упорством, достойным лучшего применения, пытается он выставить вольных казаков жаждущими не спасения Казачества, а исключительно войны против России, с русским народом. И эту свою выдумку, подкидываемую самостийникам, как их цель, г. Мельников на протяжении одной только страницы (стр. 15, № 6 „Р. К.“) повторяет много раз: „О будущей войне говорит и ген. Стариков“... „самостийники зовут на борьбу не с коммунизмом, а с Россией, (со всей Россией — и с новой, если она и освободится от большевиков)“... „Против новой, будущей России“... „Войной против России — не против большевиков, а против России“... „На борьбу с Россией, со всякой Россией“...

Уже одно это повторение и старательные объяснения в скобках сами свидетельствуют о лживости утверждения г. Мельникова, ибо для правды не нужно бывает подобного рода „искусства“ вдалбливания в головы своей мысли. Из писанного Мельниковым выходит, что вольные казаки ничего не говорят о казачьих интересах, а только и думают, что о войне с Россией. Ну, как можно вести спор с таким недобросовестным противником! В. К.-во постоянно пишет и твердит: „наш идеал — самостоятельное, ни от кого независимое Казачество; наша ближайшая цель — борьба всеми силами с большевиками, которые задались целью уничтожить Казачество и, действительно беспощадно уничтожают его, хозяйственно разоряя, физически умерщвляя, специальными поездами увозя в Сибирь всех лучших и достойных сынов Казачества“. Повторяем, В. К. стремится к независимому существованию Казачества, свою

позицию оно будет защищать и отстаивать всеми способами и средствами; оно ставит своей первой задачей — освобождение Казачества от ига московского большевизма и призывает всех казаков идти вместе до Казачьего Учредительного собрания, где должна вывестись подлинная воля Казачества (см. „Ответы В. К.“ стр. 30). Этого Мельников не мог не прочитать, но это для него не выгодно. Вот почему он избрал систему передергивания: обходит полным молчанием ясные, определенные, не допускающие кривотолков положения В. К., а вместо этого выдергивает из разных мест отдельные слова, на основании коих, на свой вкус, составляет „программу“ В. К. и выставляет самостийников ненавистниками русского народа.

В той же брошюре (стр. 31) Мельников не мог не прочитать следующее: „настанут более благоприятные времена, когда Казачество будет говорить с Великодержавией о мирном сожительстве рядом без этих великодержавных посредников и несомненно найдут общий язык и общее понимание для братского и мирного сожительства рядом. Вольные казаки ни к кому ненависти не питают. Они только защищают кровный интерес Казачества, его правду. Если за это разные великодержавники ненавидят их, то это дело их понимания и вести“.

Но что — для Мельникова такое ясное и определенное заявление самих самостийников; они для него невыгодны. Поэтому он смело производит хирургические операции над вещами вольных казаков, тщетно пытается выставить их „злейшими преступниками“ перед Казачеством. Но В. К. спокойно, ибо оно понимает, что казаки доросли до понимания и сознания ценности разных „махиваций“, „операций“ и они поймут — где правда, где ложь.

В моей статье нет ни одного голословного утверждения, ни одного положения без подкрепления выдержками из казачьих и русских источников. Делал это я сознательно, ибо знал, что некоторые бывшие казачьи вожди питают слабость по части передергиваний. Но это сильно не понравилось Мельникову, т. к. все эти указания не говорят в пользу позиций Мельникова. Вот почему он ничего лучшего не нашел, как ограничиться зубоскальством („вот мол, мы какие „ученые“), не говоря ни слова по существу.

Конечно, гораздо легче написать „на Дону среди прежних деятелей Балинова не знали“, тем самым как бы отказывая ему (Балинову) в праве говорить и писать по казачьим вопросам, чем честно говорить по существу такого большого и большого вопроса казачьего освобождения. Но я должен еще больше разочаровать г. Мельникова: я никогда и не был студентом, за кого меня он выдает; болезнью самодовольно щеголять цитатами не страдаю, ученым быть не собираюсь. Но, вместе с тем, я считаю, что я не лишен наблюдательности над жизнью, права интересоваться судьбою Казачества, читать литературу и ею пользоваться, обязан задумываться над причиной страшной трагедии Казачества и по силам искать путей его спасения. Ведь может же каждый казак делать все это, не донося об этом Мельникову?..

Именно потому, что я неизвестен казачьим „аристократам“ и дипломом ученого не обладаю, я воздерживаюсь говорить лично от себя, предпочитая свои взгляды подкреплять авторитетами. Мельников не жалеет краски, чтобы очернить меня; находясь в состоянии политической лихорадки, называет меня большевиком. Для подобного утверждения нужна была действительно Мельниковская свобода действий над чужими мыслями. В моей статье (в ответах) есть утверждение, что большинство русской эмиграции руководствуется „реставрационно-реституционными поползновениями“. Но Мельников слово „большинство“ в моей статье свободно заменяет словом „вся“ и на основании этой характеристики называет меня большевиком. Могу только сказать, что он попал не по адресу. Слова, характеризующие стремление большинства русской эмиграции как „реставрационно-реституционные поползновения“, в моей статье (в ответах) стоят в кавычках. А Мельников, как истинно русский интеллигентный человек, должен знать правила русской грамматики, что в кавычки

берутся чужие слова. В данном случае Мельников, называя меня на основании этих слов большевиком, попал в лицо близкого ему человека, пр. П. Н. Милюкова, ибо слова эти взяты из передовой статьи „Последних Новостей“.

Мельников пишет: „Ш. Балинов очень боится за судьбу близкой его сердцу иностранной державы, опасаясь, как бы Атаман не употребил против нее казачью силу“. Ну, к чему это, мягко выражаясь, глупая выходка? Заявляю — никогда, нигде я не высказывал опасений за судьбу какой либо державы. Не мог этого высказать просто потому, что у меня нет ни одной „иностранной державы“, близкой моему сердцу. У меня есть действительно единственное близкое — Казачество, за судьбу коего боюсь, о подлинных интересах и правах коего пытаюсь говорить, как понимаю. Только об этом я пишу и говорю, и не о судьбе иностранных держав! Да и нет такой державы, которая нуждалась бы в моих указаниях.

И в полемике следует соблюдать приличие. Нельзя свои грязные догадки вкладывать в уста своих противников. Честному человеку всегда бывает стыдно, он всегда краснеет, когда говорит неправду. Калмыцкая поговорка о лжецах гласит: „на лицо полсть налепил“, чтобы скрыть красноту. Мне кажется и Мельников чем то подобным прикрывался, когда писал свою статью.

Моральное оправдание в своем поведении самостийники черпают в Донской конституции, гласящей: „В. В. Д. есть самостоятельное государство, основанное на началах народоправства“, и считают своей непререкаемой нравственной обязанностью „быть верным и неизменно преданным В. В. Д., своему отечеству, и долг службы „выполнять с полным напряжением сил, имея в помыслах только пользу Войска Донского и не щадя жизни ради блага Отечества“, как говорит Донская присяга.

А вот Мельников авторитетно утверждает, что „их (самостийников) попытка опереться на Донскую конституцию не выдерживает критики“, а эту самую страшную Мельниковскую „критику“ выдерживает не сама Донская конституция, а сам Мельников, действующий „в соответствии с духом Донской конституции“. Одним словом, по мнению Мельникова, для казаков важны и обязательны не конституция, не присяга, а его Мельникова (занимавшего тогда „высокий пост Председателя Донского Войскового Круга“) заявления и его беседы „в особом вагоне“. Он теперь уверяет, что все законы ВВД, Донская присяга и т. д. были временны, „впредь до“, а бесконечны и вечны только его „понимания“ духа Донской конституции. И он пускается на многих страницах своего журнала доказывать эту свою „теорию“. Но, какое жалкое зрелище представляют из себя его доказательства! На его месте я отказался бы от таких доказательств. Что может быть жалче, морально ниже человека, который публично заявляет, что он сознательно обманывал людей и Бога? Донскую конституцию мы писали, принимали, в защиту ее мы послали казаков на смерть, но в душе мы думали, что это временно, „впредь до“, так сказать, — Господи разреши тебя провести! Можно ли после этого заявления Мельникова верить его политической „ориентации“, если она случайно не совпадает с его личным интересом? Казаки, по крайней мере в Париже, на это уже определенно ответили.

Что Казачество русскими большевиками хозяйственно разорено, физически уничтожается — признает даже сам Мельников. Но, он не желает избавления Казачества от этого несчастья ценою отделения „от Великой национальной России“, которая когда-то, по уверению Мельникова, должна быть. А Атаман Богаевский примерно даже определяет срок прихода этой „Великой России“, когда взывает к казакам: „теперь казаки — если не мы, то наши дети увидят Великую Россию“. Другими словами — умрите казаки и эмигрантском рассеянии, пусть в родных Краях большевики уничтожают ваших братьев, но зато на ваших костях и на вашей крови построится „Великая Россия“, долженствующая доставить нашим детям величайшую радость! Согласятся ли казаки, по совету Богаевского, спокойно умереть в эмиграции, забьются ли радостно

их сердца от уверения Богаевского, что после их смерти возродится „Великая Россия“.

Мельниковы говорят, что „Каз-ву необходима Великая национальная Россия“, причем эту национальную Россию видят в ничтожной части русского народа и, связав судьбу Казачества с этой именно частью („классом“ — по признанию самого Деникина), желают повести казаков против огромного большинства народа — русских крестьян и рабочих. Для них Казачество слишком ничтожная вещь — оно по утверждению Мельникова, будет малым и слабым и — „вечно дрожать...“ Они, Мельниковы, большие люди (а большому кораблю и большое плавание!). Для них нет лучшего занятия, как умаление, унижение и уменьшение сил и значения Казачества. Они постоянно твердят, что при самостоятельном существовании Каз-во сейчас же разорится на содержание одних своих консулов. Но зачем доходить до такого самоунижения? Я не буду касаться здесь богатств, какими обладает Казачество, а приведу лишь один пример, наглядно иллюстрирующий предел унижения Казачества г. г. Мельниковыми. Каждое более или менее значительное финансовое, торговое предприятие имеет своих представителей во всех почти государствах; мало того, во всех почти крупных городах. Эти представители — те же самые консулы. Так неужели Казачество, обладающее многомиллионным населением, огромной территорией с неисчерпаемыми естественными богатствами, неужели это Казачество слабее и ничтожнее какого-либо торгового предприятия? Нет! Так ответит каждый казак, свободный от законсервированных понятий, не утративший чувства собственного достоинства.

В конце концов г. Мельников переходит к прямой угрозе: „Мне думается, что если нам суждено вернуться на родину (как видите Мельников сомневается — вернется ли он на родину. Вероятно поэтому он достаточно „обеспечил“ свою жизнь в Париже? Ш. Б.) — дело атаманским окриком не ограничится: казачество*) потребует к более суровому ответу тех, кто легкомысленно позволял себе на чужбине играть казачьими головами и осложнять в без того тяжелое положение казачества на родине и на чужбине“, ибо „вред, причиняемый и отчасти уже причиненный самостийниками, многообразен...“ подкидывает чью-то действительную вину самостийникам г. Мельникова.

Действительно, нужна была Мельниковская бычачья шкура, чтобы не почувствовать всю бессмысленность его утверждения. К чему эти страшные слова „игра казачьими головами“ в применении к самостийникам?

Ведь даже Мельников должен понимать, что по вине самостийников ни одна казачья копейка не пропала, ни один волос с казачьей головы не упал, ни одна капля казачьей крови не пролита! Посмеет ли Мельников сказать то же самое о себе? Огромная Донская казна растрачена, много-много тысяч казачьих жизней погублено. Неужели сделали это самостийники?

Нельзя так беззастенчиво сваливать вину с больной головы на здоровую.

Что касается средств, то здесь действительно, нельзя мерять на свой аршин, как пишет Мельников. Если г. г. Мельниковы еще в Константинополе, при наличии Донской казны, выставив на Европейский „базар“ естественные богатства на „Юго-Востоке России“, искали восстановления его многомиллионного кредита, то это совсем не означает, что и самостийники хотят заложить казачьи естественные богатства.

... „Этой работы (борьбы с большевизмом) самостийники не ведут. Не вели работу и тогда, не ведут и теперь, это мы знаем“ — безапелляционно заявляет г. Мельников. А „Атаман такую работу вел и ведет, связь с родными краями у него существовала и существует“, но об этой работе „ни Атаман, ни его сотрудники никаких доказательств, ни даже утверждать в печати не могут“ — пишет он. Но, зачем такая различная мера к своей и чужой работе? Атаман с Мельни-

*) Интересная деталь: Мельников Казачество всюду пишет с маленькой буквы, а его (Казачества) слугу всюду пишет с большой буквы.

ковым ведут работу, но об этом в печати говорить нельзя, нельзя и доказывать в интересах самого дела. Это понятно. Но вот совершенно непонятно, почему самостийники о своей работе „там“ должны почтительно докладывать г. Мельникову? Он совершенно правильно говорит, что работа „там“ принадлежит к такой области работы, отрицать или утверждать, существование которой невозможно. Но тут же он утверждает, что самостийники „там“ не работают, „это мы знаем“. С таким же успехом и самостийники могут сказать, что Мельников „там“ работы не ведет: „это мы знаем“. Что же получается? Взаимное препирательство! Могут ли серьезные люди вести полемику в такой плоскости? А вот Мельников стал на такой путь. Правда, он, Мельников, неудачной цитатой из моей статьи, по своему обыкновению извратив их смысл, пытается доказать, что о большой работе Атамана „там“ знают и сами самостийники, но, по своей, мол, недобросовестности не хотят об этом говорить, а лишь в вылу полемики проговариваются... „на стр. 18 „ответов“ Балинов проговорился о сношениях Атамана с Доном, о существующих связях, о том, что оттуда пишут А. П. Богаевскому, как нашему Атаману“...

Прямо становится противным такое бесцеремонное извращение смысла чужих слов. До бесконечности трудно иметь дело с такими людьми. Я ведь писал это не в доказательство того, что Атаман связан с казаками „там“, а как раз наоборот. Приведу это место своей статьи, чтобы читатели могли увидеть, какую „операцию“ г. Мельников производит с чужими словами. Вот это место:

„А Казачество с надеждой и болью спрашивает: „когда и на какую помощь мы можем рассчитывать? Обращаясь к вам, как к нашему Атаману, мы просим вас... сохранилась ли Казачья сила за границей и что делается для того, чтобы ускорить час соединения с нами на Дону?“ ... Там казаки думают только одну думу: „вся политика казачья сводится к одному: какие же силы и когда свалят эту проклятую власть?“ (Это — письма „оттуда“, напечатанные в „ВКС“ в № № 10, 14—15, 16—17).

На это я, своими словами, являющимися моим личным выводом из всего поведения Атамана Богаевского (а не словами Богаевского, якобы мною „ложно вложенными в уста Атамана, как пытается он выставить меня лжецом („Р. К.“ № 7) писал: „Правда, на этот вопль истерзанного казачьего сердца, на этот крик измученной казачьей души, Донской Атаман А. Богаевский с олимпийским спокойствием отвечает: „Говорить о Доне вне связи с Россией — преступление и предательство. Нужно сначала освободить Москву, а потом ей подчинить Казачество. Если сначала освободить Казачество, то оно не присоединится потом к Москве и не создастся „Единая-Неделимая“.

Говорил ли я здесь о работе Богаевского „там“? Пусть сами читатели ответят на это. Совершенно верно, наши братья „там“ обращаются к Богаевскому как „к нашему Атаману“, но какая страшная трагедия кроется в этом недоразумении!?

Для наших братьев „там“ Богаевский является главою независимого Донского государства, борющимся во главе избравшего его народа за независимость Казачества против Московского большевизма и, после поражения на поле брани, ушедшим во главе своей Донской армии, со своим правительством, Донским парламентом, Донской казной, гражданским населением. Для них Богаевский все еще является — тем вождем Донского Казачества, который, в силу данной им присяги, обязан высоко держать знамя Донского государства, организовывать в эмиграции казачьи силы, приложить все усилия для борьбы и свержения советской власти и восстановления на Дону того, что было в 1918—20 г.г.

В этом заключается страшная трагедия Донского Казачества: „там“ казаки надеются на своего независимого вождя, а последний готов привести Донское Казачество под ножи всех „вождей“, привести на службу кому угодно, но только не самому Казачеству! Что заговорили бы казаки „там“, если бы узнали о такой работе Богаевского?

„Ответы“ самостийников не понравились Мельникову и он теперь истерически взывает к казакам защитить его, разыгрывая из себя смиренную невинность, предлагает казакам морально изолировать самостийников.

Но как смешит это „воззвание“ Мельникова казакам в Париже! И не смешным быть не могло: уже действительно морально изолированный казаками в Париже, Мельников обращается к тем же казакам о моральной воле самостийников, пользующихся в широких кругах Казачества большим сочувствием. Доказательство? — На большое публичное собрание казаков в Париже, созванное путем объявления в парижских газетах, г. Мельников не посмел явиться. А на самом собрании, все казаки, во всем остальном различных взглядов, дружно сошлись на единственном пункте: на полном отрицании Богаевского и Мельникова. Не нашлось ни одного человека, который заступился бы за Богаевского и Мельникова! Это, по моему, является неопровержимым доказательством, что Мельников и Богаевский, по крайней мере в Париже, совершенно физически и морально изолированы казаками.

На воззвание Мельникова Парижские казаки уже ответили, только у него не нашлось достаточного мужества придти и выслушать этот ответ. Что же касается его обращения специально к калмыцким организациям, чтобы они отмежевались „ясно и определенно“ от меня, „новоявленного калмыцкого Голубова“) то могу сказать Мельникову, что напрасно он, без особой к тому нужды, собирается сесть в лужу. Если ему нравится такое сидение, то это дело его.

Да, я знал и знаю, что мое выступление (вынужденное) с критикой „дел и действий“ Богаевского является „первым в истории взаимоотношений донских калмыков с донским Казачеством“, что особенно неприятно для г.г. Мельниковых. Но я также знаю, что для них калмыки являются „прекрасными калмычками“ ровно до тех пор, пока они им беспрекословно подчиняются, и безусловно их слушаются, всеми силами их подпирают, все слова их принимают, как некое откровение. Но, как только, эти самые „калмычки“ начинают свое суждение иметь, то к ним сразу же прилагают эпитет: „особо наглые“.

Не довольно ли, г. Мельников, этой „игры“?

... „Самостийники перешли границу морально допустимого и терпимого“ пишет Мельников. Спрашивается, чем? Да тем, что они клеветают о „беспечальной“ жизни в Париже Атамана, о растрате Донской казны, „злостно преувеличиваются и „запасы товаров“ в Константинополе“.

Но, клевета ли это? Ведь клеветой обычно называют, когда ложно приписываются людям проступки или действия, ими не совершенные. А лгали ли самостийники, когда писали о Донских средствах? Нет. Это подтверждает и сам Мельников. На стр. 15 „Р. К.“ № 7, сам Мельников пишет: „средства, конечно, были, но не в таком размере“... и дальше идет перечисление и по этому его перечислению получается все же много миллионов франков.

Самостийники писали, что этих средств не стало, что опять таки Мельников подтверждает, но только сердится на самостийников и называет их клеветниками. Где же клевета? Дальше он пишет еще более удивительные вещи: ... „израсходовано только то, что можно было израсходовать, что, в сущности, не составляло коренной собственности Войска; то, что должно быть во что бы то ни стало сохранено для Войска, то цело и неприкосновенно и в таком виде должно вернуться на Дон.“ (Р. К. № 7, стр. 16).

*) По этому вопросу я постараюсь притянуть Мельникова к иному ответу, ибо сравнение меня с Голубовым, с большевиком, с человеком, с оружием в руках разогнавшим Донской парламент, расстрелявшим достойного Донского Атамана, Председателя Круга и т. д., т. е. сравнение меня с злейшим государственным преступником я считаю высшим и ни на чем необоснованным оскорблением моей чести.

Итак, по уверению самого Мельникова „коренная собственность“ Донского Казачества ни в коем случае не может расходоваться и „должна вернуться на Дон“. Спрашивается, те много миллионов, израсходованные Мельниковым, им же в своем журнале перечисленные, значит, не составляли „коренную собственность“ Войска? Так чьи же эти были деньги? Очевидно Мельникова и Богаевского! Допустим это и согласимся с ним. Но вот другой вопрос: „Коренную собственность Войска“ расходовать нельзя. Надо думать, что даже Мельников согласится, что атаманская булава, представляющая из себя большую материальную ценность, не говоря уже об исторической (13 с полов. фунтов червон. золота), относится к категории „коренной собственности Войска“. Так вот, почему эта булава, при сдаче материалов Донского музея в Чешский национальный музей на хранение, сдавалась под частную расписку, тогда как все остальные материалы сдавались под официальную расписку? Почему и для чего эта булава затем была изъята из такого надежного хранилища, как Чешский национальный музей, кем она изъята и где она хранится? Вопрос чрезвычайно интересный. Уж не при-

числена ли она к категории не коренной собственности Войска?

Мельников уверяет, что „те лица (в числе которых он, очевидно, сам занимает первое место), которым Атаман доверил охрану достояния, с честью выполнили возложенное на них поручение“.

Так ли это? Может ли он с такой уверенностью сказать то же в отношении тех лиц, на которых была возложена обязанность хранить архив „Объединенного Совета ДКТ“. Не продан ли этот архив каким-то американцам за 2000 долларов? Сделать это было тем легче, что этот архив уже действительно не составлял „коренной собственности“ Донского Войска.

А ведь таких вопросов ставить можно много. Приличествует ли г. Мельникову принимать гордую позу хранителя чести Дона, оберегателя „коренной собственности Войска“? Вообще пристало ли такому человеку обвинять во всех смертных грехах тех кто интересы казаков не принесли и не принесут в жертву никому? Казаки, конечно, сами поймут — где правда, а где „искусство“.

П. И. Кокунько.

Наше прошлое.

(Очерки).

Нельзя сказать, чтобы русская политика по отношению к казакам была особенно дальновидной. Усвоив взгляд на Казачество, как на „военное сословие“, видимо ценя в нем боевые качества, правительство в своих мероприятиях как бы употребляло все старания, чтобы возможно больше понизить эти качества. Это указывает на то, что на Петербургском верху не было установлено твердого взгляда на Казачество ни с социальной, ни с военной точки зрения. В первом случае на Казачество смотрели, как на какой-то нарост в государстве, как на государство в государстве. Опасаясь, что нарост этот, при случае, может обратиться в „злокачественный“, старались его „обезвредить“, уничтожая те льготы и „привилегии“, по их мнению, которыми пользовалось Казачество (между тем, как они-то и были главным основанием ценных качеств).

Во втором случае мнения очень дробились: хотя и редко, но находились поклонники Казачества (не ставя их, однако, на одну ногу с регулярной армией). Но были и такие, которые находили, что Казачество уже отжило свой век. Между этими двумя крайними мнениями находились те, которые допускали существование Казачества только потому, что это — дешевый род войска. Но все сходилось в том, что казаки только второй сорт войска по сравнению с армией.

Но, как только чуть сгущались тучки на политическом горизонте и запахнет, бывало, порохом, так в один голос начинались похвальные гимны Казачеству. Так было в 1887 году, когда возникла шероховатость в отношениях с немцами. Слышалась бахвальба, что как только начнется война, моментально всю восточную часть Германии наводнят казаки и спугают все расчеты немцев в их мобилизации и сосредоточении армии. Этим разнообразием взглядов на казаков обуславливается и непостоянство различных реформ среди них, которые замечались в последнее царское время. Смотря по тому, какой взгляд восторжествует бывало на верху, в том направлении и проводятся изменения как в службе, так и в жизни Казачества. Но, как бы ни были изменены эти взгляды, равнодействующая их была все таки в одном направлении — к ограничению и лишению тех пресловутых „привилегий“, которыми пользовались казаки, т. е. как раз, того, что обуславливало качества их особенно ценные в военном отношении. Это была жертва чему-то другому, более существенному в их глазах, жертва ради уничтожения того, что в указе Екатерины II названо „неистовым правительством“. Казаки — хранители свободы и равенства, живой пример народоправства, пример того, как можно хорошо прожить без всякого гнета сверху. Это конечно, не могло

найти сочувствия в „истовом правительстве“, смотревшем на народ, как на живой хозяйственный инвентарь, которым можно распоряжаться, не считаясь ни с родством, ни с свойством.

Расправившись с Украинским казачеством, которое оказалось „у тюрязі, в кайданах від часів Богдана і тепер по над Дніпром ходе, викликає долю“, русское правительство наложило руку и на Дон, систематически и неуклонно урезывая все его вольности и привилегии.

Одна только Запорожская Сечь осталась почти в неприкосновенном виде, „как бельмо на глазу“, но пока она соприкасалась со своим исконным врагом, Турцией, врагом общим и для России, Сечь была нужна. Пока не заняты были берега Черного моря, на попытке приобретения которых еще при правительнице Софии сломал себе зуб Васенька Голицын и спотыкнулся даже Петр I, запорожцев трогать было небезопасно. В конце концов настал и их черед. Расчет был верен. Не одной тысячей убитых в войну с Турцией (1768—1774) заплатили запорожцы за честь оказать помощь русским войскам. Похвалы и награды сыпались на Запорожцев за их подвиги в этой войне. Запорожцы вошли в моду и много именитых особ пожелало приписаться к ним. Сам великодушный кн. Тавриды зачислился в Кушчевский куринь под именем Грицька Нечосы, обещая свое покровительство Запорожской Сечи. Но, „высшая награда“ была получена после войны. Едва смолкли орудия и Сечь перешла на мирное положение, как она была окружена (1775) отрядом генерала Текели, имевшим около 70.000 человек и к нему подошел еще Прозоровский с 20.000. Все это против 8000 Запорожцев, находившихся в Сечи!

Должно быть страшным казался этот „зверь“, что по расчету потребовалось больше 10 человек на одного, чтобы повалить его!

Сечь была разгромлена и разрушена. Кошевой Атаман Кальнишевский, судья Головатый и писарь Глоба закованы в кандалы и: первый сослан в Соловецкий монастырь, а остальные в ближайшие. Головатый и Глоба вскоре были освобождены, а Кальнишевский томился в изгнании 25 лет, где и умер, отказавшись воспользоваться милостью помилования Александром I.

Запорожцы, находившиеся в Сечи ухитрились уйти в Турцию, захватив с собою часть войсковых регалий. Но, ушло только 5 тысяч, а остальные рассеялись между населением.

Испробовав жизнь под властью „истового правительства“, рассеявшиеся запорожцы впоследствии небольшими партиями и в одиночку убежали за Дунай. В конце концов собралось их там около 30 тысяч.